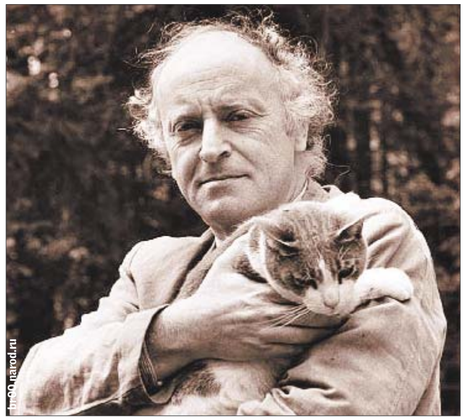


Жил просто. *Любил животных и очень точно изображал кота*

ПОЭТ И ТУНЕЯДЕЦ БРОДСКИЙ

Нобелевский лауреат ■ Ему было бы 70. Друзья — о том, как он мучил стихами гостей и любил изображать... котов

АЛЕКСАНДР ПАСЮТА,
МАЙК ЛЬВОВСКИ

В 1987 году имя Иосифа Бродского прогремело на весь мир — иммигрант из СССР получил Нобелевскую премию по литературе. Так звучала официальная формулировка: «За всеобъемлющее творчество, насыщенное чистотой мысли и яркостью поэзии». «Я еврей, русский поэт и английский эссеист из Ленинграда», — сказал на церемонии награждения Бродский.

Он родился 24 мая 1940 года в Ленинграде в семье фотокорреспондента Александра Бродского и бухгалтера Марии Вольперт. О своем детстве он вспоминал, как холодном и голодном. Отец воевал, и они с матерью выживали как могли. В школе Иосиф учился неохотно, хотя легко все схватывал, в неполные 16 лет устроился учеником фрезировщика, дабы поддержать семью.

Родителям поэта не разрешали встречу с ним, а ему — приехать на их похороны

Хотел поступить на проводника, стать врачом, месяц работал помощником прозектора в морге — анатомировал трупы, но в конце концов отказался от медицинской карьеры. Кроме того, пять лет работал истопником в котельной, матросом на маяке, рабочим в пяти геологических экспедициях. И всегда много читал, самообразовывался — в первую очередь поэзию, философскую и религиозную литературу. «Ему легко давались иностранные языки, схватывал быстро, — рассказывает друг Бродского поэт Евгений Рейн. — И очень легко, невероятно красиво переводил поэзию, немножко этим зарабатывал и всегда смеялся, когда его называли тунеядцем». А еще друзья помнят, как Иосиф умело изображал котов — это были его любимые животные.

В СССР его стихи практически не издавались. Но были необычайно популярны за границей. И когда в 1970-х поэт оседает в США, то получает приглашения от нескольких университетов читать лекции. На Родине же его имя забудут на 20 лет. Родители Бродского 12 раз просили встречи с сыном, но им так и не разрешили, а ему — приехать на их похороны.

ЕВГЕНИЙ РЕЙН

Друг Бродского — о том, как вытащил его из психушки за два билета на Утесова и ходил с поэтом в гости к Ахматовой

О суде-фарсе, о том, как Поль Сартр заступился за коллегу и как КГБ сам сделал вызов «врагу» за границу

«В ССЫЛКЕ ОН ГРУЗИЛ НАВОЗ»

АЛЕКСАНДР ПАСЮТА

— Евгений Борисович, вы были с Бродским друзьями. Знакомство помните?

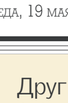
— Да. Это очень комичная история. Был сентябрь 1958 года, и наш общий приятель Ефим Славинский пригласил меня в гости на новую квартиру, собирались хорошо повеселиться, выпить. И вот прихожу я, а Ефим так взволнованно: «Женя, только ты можешь нам помочь, тут один молодой поэт уже два часа без умолку читает свои стихи, скажи ему пусть этого не делает!». А я к тому времени уже был относительно известным поэтом в Ленинграде, но все равно было как-то неудобно совершенно чужому человеку такое говорить. Но Ефим настаивал. И вот выводят за дверь юношу. Он рыжеватый, худощавый, очень бедно одет. Я ему: «Ну что ты людей мучишь, они пришли сюда пить, плясать и знакомиться, а ты их своими стихами душишь. Хочешь читать стихи, приходи ко мне и почитаешь». И что вы думаете? Через несколько дней пришел он в гости. Скажу честно, стихи мне его не очень понравились и я об этом Бродскому сообщил. После этого он исчез на полгода, а когда появился, снова читал стихи, и они были уже гораздо лучше. Потом он помогал мне переезжать с одной квартиры на другую, мы стали соседями и наладилось постоянное общение.

— Вас, Иосифа Бродского, Анатолия Наймана и Дмитрия Бобышева называли «ахматовскими сиротами»...

— Я не знаю, кто это придумал, какие мы сироты? Мы просто в начале 60-х очень тесно общались с Анной Андреевной, она давала советы, мы бывали у нее на даче. А потом жизнь всех развела.

— Как и почему начались гонения на Бродского?

— У нас в технологическом институте был такой человек — Яков Лернер, вот он и заварил всю эту кашу. Бродского хватали его руками. Этот человек имел явное отношение к КГБ: был в профкоме, потом возглавлял народную дружину. А однажды пришел к секретарю обкома и заявил: «А давайте будем бороться не с тунеядцами, а с антисоветчиками, врагами идеологии». Нужно было устроить показательный процесс, начали искать подходящего человека. Приходили и ко мне. Меня вызвали в отдел кадров, и там этот Лернер задавал какие-то вопросы. Но я им не подошел, потому что имел работу. И тогда они обратили внимание на Бродского. Он подходил идеально: сидел дома, немножко зарабатывал стихами. Когда



Ссылку сам Иосиф называл самым счастливым временем

дошел слух, что его могут арестовать, мы помогли ему скрыться в Москве. Договорились, что на время отправим его в психушку, но через две недели я навестил его и услышал: «Куда вы меня упекли? Я же тут стану психом точно, заберите меня!». Но оказалось, что это не так просто. Тогда мы придумали хитрый ход — главному врачу больницы достали два билета на Утесова, через день Бродского выпустили. В это время вышла газета «Вечерний Ленинград», где появилась статья «Окололитературный тругень», в ней Бродский клеймился за «паразитический образ жизни». Было очевидно, что статья — сигнал к преследованиям и, возможно, аресту.

— И несмотря на это Иосиф Александрович решил возвращаться в Ленинград?

— Да. Мы его отговаривали, но он считал, что чему быть, того не миновать. Его арестовали через пять дней, сразу назначили судебное заседание. Один процесс был закрытым. А вот второй 13 марта 1964 года посетили 300 человек (статья 209 УК РСФСР («тунеядство», — **Авт.**). Прекрасно помню тот день. Почти все — люди подставные, дружинники. И всего несколько человек — это друзья и знакомые. Набрали каких-то свидетелей, большинство из них никогда не видели Бродского в лицо. Меня поразило, когда принесли документ, просто «гениальный», из Союза писателей. На бланке было напечатано: «Эта справка дана в том, что Иосиф Бродский не является поэтом!». Печать и подпись. Стоит сказать, что нашлись несколько человек, которые выступили в защиту Бродского. Он держался спокойно, без истерии. Очень остроумно отвечал на вопросы. Например, когда адвокат спросил, сколько Бродский зарабатывает в день?

В документе из Союза писателей написали: «Бродский поэтом не является»

Посчитали, оказалось — рубль с копейками. Адвокат спросил: и как на эти деньги можно прожить. На что Иосиф ответил: «Я сидел несколько дней в тюрьме, и там в день на меня тратили 42 коп». Ему дали пять лет ссылки, отправили в Архангельскую область, в деревню Норенская.

— Вы навещали друга?

— А как же! Были у него несколько раз. Ему там отвели пол-избы, очень просторной, уютной. В основном он занимался стихами, иногда их вывозили на какие-то работы. Он помогал убирать урожай, раскидывал на поля навоз. Как потом рассказывал сам Бродский, это было самое счастливое время в его жизни. Помню, поехали вместе с Найманом поздравлять его с 25-летием. Привезли икры зернистой, водки ящик, американские сигареты и японский радиоприемничек. Очень хорошо отпраздновали. А через несколько месяцев его амнистировали. Жан Поль Сартр попросил председателя Верховного Совета повлиять на ситуацию, и это сработало.

— Почему он уехал? Вы говорили на эту тему?

— Сейчас пишут много разных вещей о его эмиграции. На самом деле Бродский не хотел уезжать, его вынудили это сделать. Ведь следили за каждым его шагом, Ленинград был просвечен насквозь. А он встречался с иностранцами, никого не боялся, говорил, что думал. В какой-то момент ему просто посоветовали покинуть страну, я вам даже больше скажу: когда он пришел в КГБ с вызовом в Израиль, то оказалось, что вызов просрочен. Новый ему сделали тут же сами кагэбисты, так сильно хотели от него избавиться. Он покинул страну в 1972 году. На некоторое время мы потеряли связь друг с другом, а потом пришла посылка из Америки. В ней — джинсы, сладости, жвачки. Впервые встретились мы через 16 лет. Я приехал к нему в гости, в Нью-Йорк, он организовал мне несколько творческих вечеров.

Евгений Рейн. *Друг Бродского из четверки «ахматовских сирот». Скрывал коллегу от преследований в Москве*

ИЛЬЯ РЕЗНИК: «В 1970-М ОН МНЕ ПОКАЗАЛСЯ ПОЛУСУМАСШЕДШИМ, ОДЕРЖИМЫМ»

▶ — Бродский был у меня дома в 1970 году, — вспоминает первую встречу с Иосифом Александровичем поэт Илья Резник, — я жил тогда с бабушкой в коммунальной квартире. Дружил с старшим братом Сергея Довлатова — Борей. Вот Боря как-то и говорит: «Илья, можно мы к тебе придем с Иосифом?» А что для меня Бродский в 1970-м году? Один из многих... Сережа Довлатов, я очень к нему тепло относился, — он такой обаятельный, красивый был всегда — говорит: «У тебя выпить есть что-нибудь?» «Ну есть бутылка кагора...» У нас в комнате балкончик был такой, я там столик поставил, печенье какое-то, бутерброды нарезал с сыром... Мы бедно жили очень. Бутылку поставил, свечку зажег. Бабушки дома не было. А у нас комната — 29 м, разделена шкафом — я за шкафом жил. Все стены были залеплены работами студентов художественного промышленного училища. Ну очень хорошие. Мне их дарили. И приводят Довлатовы ко мне этого самого Бродского, который зашел — ни здрасьте, ни до свидания. Сразу пошел по стенам рисунки смотреть. И так кивает: «Говно, говно, говно, говно... Ну вот это, может быть, ничего — а там акварель Мишы Щеглова, главного художника Малого оперного театра Ленинграда — Ну, эта вот... хотя... тоже говно!» Мы сели на балконе, выпили по рюмке, он вытащил рукопись и стал читать какую-то поэму, брызгая слюной. Ну очень, так сказать,

М. Львовски

Илья Резник. *Общался с поэтом*

эмоционально, в ней все время «твою мать» и «Христос» перемежались... Но это очень сильно и эмоционально! Я тогда поэзией особо-то не увлекался. Честно. И так же нежданно, как они пришли, так они и ушли. Он заторопился и ушел.

— Произвел впечатление?

— Впечатление? Обида была за художников, раз. Ненормативную лексику я терпеть не могу, два. А впечатление произвел, конечно, как какой-то полусумасшедший, одержимый...

— А позже, когда Бродский по-настоящему зазвучал?

— А потом у меня была замечательная встреча, но не с ним, а с театральным продюсером Натаном Шлезингером в Америке. 1993 год, Бостон. В то время он был продюсером Бродского, возил его везде и, конечно же, был его страшным фанатом. И вот мы сидим у Люды — жены Натана, с нами еще был один бизнесмен из Москвы.. Сидим на кухне, омаров едим. Ну и Натан со свей идеей фикс: Бродский — это все, его идол. Начинает говорить, какой он прекрасный, куда он пошел, где он с девушкой «это», где он пукал, где и что он поел... Я говорю: «Натан, ты знаешь, я понимаю, что Бродский великий поэт, великий мастер, но не моего сердца. Я люблю Пушкина, Гумилева, Лермонтова, Блока, а Бродский не трогает мое сердце». И он завелся: «Да кто ты такой!» Скандалил, орал на меня просто. И вдруг бизнесмен из Москвы: «Натан, ты меня извини, но мне тоже этот Бродский до фонаря». И последняя капля — уже Люда: «Ты знаешь, я с тобой живу уже 40 лет, и мне тоже классика больше нравится». Я ночевал на другой квартире. Идем молча — Натан злой, и я злой. Приходим туда, я говорю: «Дай мне пять листов бумаги». Он удивился: «Зачем?» Я говорю: «Ну дай и иди спать». Через 19 минут он приходит, я читаю ему поэму: «Сентябрь юн, вдыхая звук нектара, сижу...». Поток такой выдал. «И все, — говорю, — ложись спать». Еще три ему написал стихотворения. Они, кстати, вошли в мою книгу «Сольфеджио»... А потом мы через время опять встретились с Натаном, и я его спрашиваю: «Ну что твой Бродский?» А он отвечает: «Да, может быть, ты был прав». Мы как-то с Андроном Кончаловским обсуждали в самолете: есть мозговые поэты, но они не сердечные... Анна Ахматова сказала в 1966-м: если бы Бродского не сослали, он был бы такой, как Виктор Соснора, Александр Кушнир — вот мозговые поэты-умницы. У них сложные, многоходовые, метафоричные стихи. Но эти стихи для маргиналов. Их же надо понять, расшифровать. А почему поэзию надо расшифровывать? Зачем эти коды? Поэзия должна же будоражить, в сердце войти. А не кроссворды, не криптограммы. Это может быть, но это другое искусство. Многим нашим эмигрантам ореол мучеников помог выделиться. Ростропович, Миша Барышников, Бродский, Нуриев — вот это клуб такой эмигрантов, которые на скандале, на неприятии, на отвержении страны и держались. Будь они в своей стране, они не были бы такими...».

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ИЗМЕНИЛА С ДРУГОМ

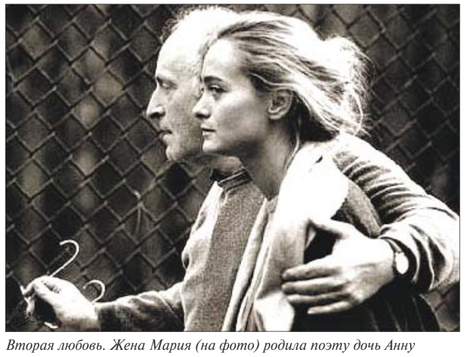
■ М.Б. — эта аббревиатура в большинстве стихов поэта. Их количество, посвященное одному человеку, не имеет аналогов в мировой поэзии (больше 1000). Марина Басманова — так звали первую любовь поэта.

«Питерская художница с глазами-изумрудами была представлена Бродскому на новогодней вечеринке в 1962 году, — рассказывает Евгений Рейн. — Они очень скоро начали встречаться, всегда были вместе. Казалось, что эти люди совершенно не созданы друг для друга: она молчалива, он шумный, говорливый. Но вместе выглядели очень органично, он называл ее «невестой». А потом... Когда Бродский скрывался в Москве, до него дошел слух, что Басманова сошлась с его лучшим другом, поэтом Дмитрием Бобышевым».

Марине Басмановой, музе, поэт посвятил больше 1000 стихов

Бродский срочно приехал в Ленинград выяснять отношения, и через несколько дней был арестован за тунеядство. Марина вернулась к поэту и даже последовала за ним в ссылку в Архангельскую область. У них родился сын Андрей. Его отчество, несмотря на протесты Бродского, Марина записала «Осипович» (он настаивал на «Иосифович»), фамилию дала свою — Басманов.

Перед эмиграцией отношения пары испортились совсем. Как писал в своих стихах Бродский, он долго не мог забыть Марину. Только к 1989 году любовь поэта к музе прошла окончательно. Он начинает встречаться с итальянской переводчицей Марией Соццани. Она была его студенткой, изучала историю русской литературы. Многие отмечали поразительное сходство Марины и Марии. С Соццани у Бродского родилась дочь Анна, дома просто Нюша. Поэт говорил с ней исключительно на английском языке — так было заведено дома. Сыну он помогал деньгами, однажды Андрей даже приезжал к отцу в гости в Нью-Йорк. Сын какое-то время работал кондуктором трамвая, ведет праздный образ жизни. Дочь изучает историю искусств в школе, занимается музыкой. Марина Басманова ведет замкнутый образ жизни.



Вторая любовь. Жена Мария (на фото) родила поэту дочь Анну

К МОГИЛЕ НЕСУТ КАРАНДАШИ

■ Часть Нобелевской премии Иосиф Бродский потратил на открытие в Нью-Йорке ресторана «Русский самовар», который становится центром русской культуры. Там поэт принимает друзей, организовывает им творческие вечера. В это же время в СССР впервые публикуются его стихи, в «Огоньке» появляется о нем большая статья, к 50-летию земляка на ТВ показывают несколько программ. В 1995 году Бродскому было присвоено звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга.

Бродского активно зазывают приехать на Родину, но приезд постоянно откладывается. Он пишет несколько стихов, в которых представляет, какой должна быть Родина, описывает встречу с ней, но совершить это путешествие так и не решается. Один из аргументов: «Лучшая часть меня уже в России — мои стихи». В эти же годы Бродский собирает обильный урожай многочисленных премий, в первую очередь как англоязычный автор.

В начале 1990-х, сразу после свадьбы, переносит две операции на сердце. Но не прекращает преподавать, много пишет, путешествует, снимает фильм о любимом городе — Венеции («Прогулки с Бродским»). Тогда же завещает похоронить себя на знаменитом кладбище на острове Сан-Микеле.

Через несколько лет, 28 января 1996 года, скончался в собственной квартире от инфаркта. Смерть Бродского, несмотря на то, что было известно о его ухудшающемся здоровье, потрясла людей — ему было всего 55. Одной из последних инициатив поэта было создание Русской Академии в Риме, куда на несколько месяцев могли бы приезжать русские поэты, она работает и сегодня. А возле памятника на могиле, созданном Эрнстом Неизвестным, в Венеции ежедневно — толпы поклонников. По традиции они приносят к могиле карандаши.

Пять лет назад во дворе филологического факультета Санкт-Петербургского университета по проекту Константина Симуна был установлен первый в России памятник знаменитому земляку.

Могила в Венеции